

В этот горький день 21 августа мы вспоминаем о нем не только с грустью и большим сожалением, но и с особой душевной болью, потому что Россия стала беднее на Никулина. Наверное, пройдет не один десяток лет, прежде чем эта боль утихнет и превратится в светлую печаль. И тем не менее в этот день поминовения Юрия Владимировича мы постараемся вспомнить из его жизни те моменты, которые помогут нам, живущим сегодня, стать лучше и добрее. Мы обратились к народному артисту России Льву Дурову, знавшему Никулина близко. Он общался с ним в семейной обстановке, за дружеским столом, на отдыхе, на съемочной площадке, за кулисами цирка...

— Какая черта в характере Юрия Владимировича была, на ваш взгляд, определяющей?

— Доброта! Никакие негативные явления в жизни не могли изменить его широкую и добрую натуру. Это не значит, что он не замечал зла или не ощущал его на себе, просто жил в гармонии с собой и ничего не боялся. Делал то, что считал нужным делать, дрался за своих людей до конца. Он часто брал меня с собой в качестве эскорта (это называлось "хлопотать мордой лица"), когда шел на прием к начальству просить за кого-то.

Несомненно, он ощущал свою популярность, но пользовался ею во благо общему делу. Когда он шел в кабинеты к властям предержащим — это был отдельный спектакль, и его мог сыграть только он один. Юра проходил через все эти приемные, как скорый поезд мимо полустанков. При этом умудрялся повернуться и небрежно бросить: "Это со мной!" И все как завороненные замирали. Мы входили в кабинет к какому-нибудь начальнику, где шло серьезное совещание, и он с ходу говорил сидевшему во главе стола: "Да подожди ты со своими проблемами!" И начинал рассказывать анекдот на грани фолы. Если бы это рассказывал кто-то другой, то дамам надо было бы затыкать уши, а в его исполнении любая непристойность звучала как милое хулиганство. Начальник начинал ржать, и волна веселья захватывала всех остальных. А Юра тем временем подсовывал нужную ему бумагу для подписи. Начальник слабо сопротивлялся, но обаяние Никулина было настолько велико, что тот сдавался и подписывал.

Конечно, Никулин был национальным кумиром и его боготворили все — от академика Капицы до самого последнего забулдыги. Помню, когда снимали эпизод фильма "Старики-разбойники" в таксомоторном парке, там собралась большая группа механиков и водителей. Никулин приехал и вышел из своей "Волги" — и тут какие-то ребята сели в его машину и быстро уехали. Никулин заволновался, но его успокоили: мол, все нормально, не беспокойтесь, снимайтесь в своем кино, а мы машину вам потом вернем. Действительно, после окончания съемок машину вернули — почти новую. Все старые детали были заменены.

— Как же так получается: в кино вы с ним снимались, а в театр не смог его ни разу затащить? Представляете, что бы творилось с публикой, если бы она увидела его живьем в драматическом спектакле?.. Ведь до того, как вышел фильм "Когда деревья были большими", никто не верил в его талант драматического актера.

— Вы правы, наш театр очень много потерял от того, что Никулин не выступал на сцене. Он был совершенно грандиозно сыграл короля Лира. Это было бы сенсационным открытием Шекспира. Я не раз предлагал ему порепетировать в Театре на Малой Бронной, а он все отшучивался. Будь он жив сейчас, наверное бы, согласился. Уйдя с арены, Никулин не смог бы долго жить без публики. Тут бы я его и подловил...

Лев Дуров:

ЮРУ БОГОТВОРИЛИ ВСЕ — ОТ КАПИЦЫ ДО ЗАБУЛДЫГИ

ИСПОЛНИЛСЯ ГОД, КАК ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ НИКУЛИН УШЕЛ ОТ НАС

— Как вы считаете, Никулин ушел с арены, чтобы остаться в памяти зрителей непревзойденным клоуном?

— Не думаю. Он никогда не заболтался о своем имидже. Таким людям, как он, свойственна решительность. Он принял это решение в одно мгновение, совершенно неожиданно для всех нас, и потом никогда об этом не жалел. По крайней мере мы этого не слышали.

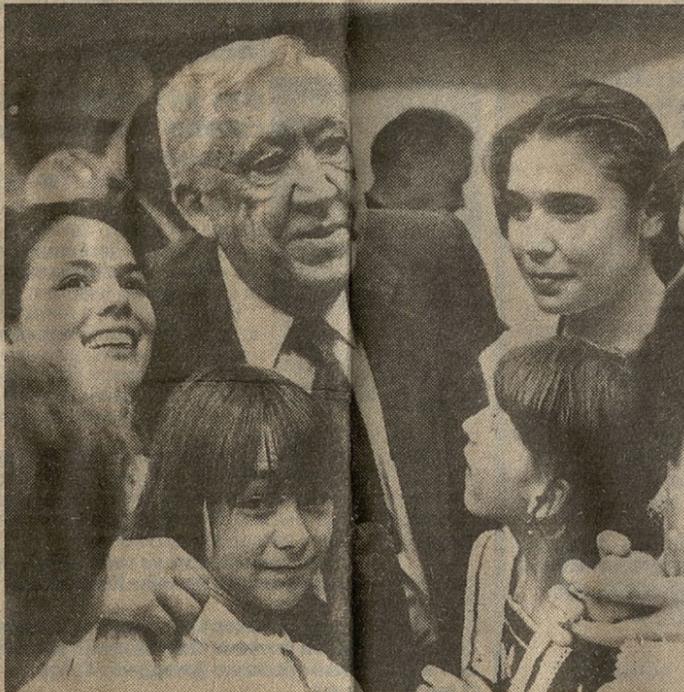
— А вы были свидетелем каких-то его личных переживаний?

— Юра не был человеком, который нагружает своими проблемами других. Ноющим, а тем более плачущим мы его никогда не видели. Он если говорил по душам, то обязательно с какой-то легкой иронией, юмором. Не знаю, может быть, он таким образом защищался от досужего внимания, а может быть, лицедейская природа брала верх. Дело в том, что в быту ему тоже нужен был зритель. Ведь он постоянно работал над собой, сочиняя новые цирковые номера, поэтому что-то из найденного проверял на нас. Мы с ним встречались каждое утро. Я заходил в свой театр, а он выходил из подъезда своего дома и весело кричал мне: "Мальчик, здравствуй! Иди сюда, я тебе анекдот расскажу!"

— Вы думаете, он сам сочинял анекдоты?

— Думаю, что да. Ведь он был очень наблюдательным человеком, умел видеть в жизни то, мимо чего другие проходили. Он переплавлял увиденное не просто в анекдот, а в маленькую комическую притчу или новеллу, которую потом записывал. Он не мог просто так жить, ему постоянно хотелось разыгрывать какие-то сюжеты. Не раз и я попадался на удочку его розыгрышей: и к Белому дому за орденом ездил, когда он после путча позвонил мне из президентской администрации, и письмо из Голливуда получал с приглашением на съемки...

Однажды я решил его подловить и спрашиваю: "Владимир, а какой самый смешной твой номер в цирке?". И он без паузы ответил: "Это когда меня учили на

ваю внутрь гигантского яйца и на его внутренней стороне читаю: "Не морочь мне яйца!"

В то же время Никулин был очень чутким человеком. Подчас после премьеры у артистов наступает депрессия, связанная с внутренним опустошением после длительного эмоционального напряжения. Однажды он пришел к нам на премьеру эфросовского "Дон Жуана", а потом предложил зайти к нему в гости — его дом фактически находится во дворе нашего театра. Так вот, выходим мы на балкон и видим, как посреди двора стоит Коля Волков, только что со мной сыгравший в спектакле, и тупо, бессмысленно смотрит в асфальт. Минуту стоит, две стоит, десять стоит... Тогда Юра говорит: "Надо немедленно Колю позвать к нам в гости, нельзя же его в таком состоянии оставлять одного". Пока я одевался, спускался по лестнице, какое-то время ушло, и Коля уже на улице не было. Юра очень расстроился, что Волков исчез и он ему не поднял настроение. Вообще-то он никогда не критиковал артистов. Мне же все-

гигантских черепаха, они делают полный круг. Семушкин говорит: "Ап!" и они все встают на задние лапы... — Через большую паузу Никулин добавляет: "Восемь часов идет номер". И тут у всех начинается истерика, мы закатываемся от смеха, представляя, как публика восемь часов следит за еле двигающимися черепахами...

Или — сижу я у Никулина в кабинете. Незнакомый мне цирковой артист уговаривает Юрия Владимировича взять в программу его номер. Никулин терпеливо объясняет ему, что этот номер никак не вписывается в уже готовую программу, но тот продолжает настаивать. Тогда Юра неожиданно спохватывается и говорит: "Ой, я же забыл тебе что-то показать". Лезет в стол и вынимает оттуда большое расписное яйцо, открывает его и говорит: "Смотри". Проситель смотрит, потом наступает длинная пауза, и он произносит: "Мне все понятно, Юрий Владимирович. Спасибо! До свидания". И уходит. Удивленный такой быстрой переменой в его поведении, я тоже загляды-

гда говорил: "Мальчик, играешь замечательно!"

— А теперь, наверное, вас некому называть мальчиком, хотя, конечно, вы уже давно не мальчик. Вы не обижались, когда он вас так звал?

— Нисколько. Это была своеобразная игра. В телепередаче "Белый попугай" он тоже играл, а мы ему подыгрывали. Но такой естественности, как у него, достигнуть не могли. Надо было, конечно, закрыть эту передачу после его смерти, но ее авторы говорят, что Юра хотел, чтобы она продолжалась и после. Продолжаться-то она может, но его место уже занять никто не сумеет, как вообще никто другой заменить его не сможет. Это в кремлевской стене можно заполнить пустующие ниши, а Юрину нишу в жизни заполнить не дано никому, да и не надо.

— И все-таки ваша печаль светлая?

— Да! Но печаль... Это, как Юра говорил: "Чувствую себя замечательно, завтра похороны".

Беседу вел
Любовь ЛЕБЕДИНА.